

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ**

ПРАВОВАЯ НАУКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БИОГРАФИЙ
И АВТОБИОГРАФИЙ**

Ответственный редактор и руководитель авторского коллектива —
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Владимир Михайлович Сырых

ТОМ 3
(1965 — 1 января 2011 г.)

Москва
2015

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ершов В. В.
(председатель Редакционного совета)
Блажеев В. В.
Голиченков А. К.
Зорькин В. Д.
Крашенинников П. В.
Лебедев В. М.
Лисицын-Светланов А. Г.
Ломтев С. П.
Рыбаков О. Ю.
Степашин С. В.
Сырых В. М.
Хабриева Т. Я.
Черданцев А. Ф.
Яковлев В. Ф.

П 68 **Правовая наука и юридическая идеология России.** Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3 / Отв. ред. В. М. Сырых. — М.: РГУП, 2015.
ISBN 978-5-93916-417-7

Энциклопедический словарь представляет многовековую историю российской правовой науки через систематизированное и полное описание биографий российских правоведов, внесших наиболее значимый, весомый вклад в ее развитие, и их трудов.

Эта Энциклопедия — попытка прикоснуться к сокровищнице русской правовой мысли, почувствовать и отыскать ее истоки, проанализировать процесс познания исследуемого предмета.

Предназначена современным исследователям, ориентированным на творческое усвоение и развитие всего лучшего, что было создано российскими правоведами и требует дальнейшего развития.

СОСТАВ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

В подготовку третьего тома наиболее весомый вклад внесли:

ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Сырых В. М. (руководитель
авторского коллектива,
составитель и ответственный редактор издания)

Баранов В.М.

Витрук Н.В.

Власенко Н.А.

Дмитриев Ю.А.

Дубовик О.Л.

Егоров С.А.

Занковский С.С.

Егоров С.А.

Казаченко И.Я.

Куксин И.Н.

Лушников А.М.

Лушникова М. В.

Мальцев Г.В.

Овчинников И.И.

Петухов Н.А.

Попондопуло В.Ф.

Россинская Е.Р.

Рубаник В.Е.

Садиков О.Н.

Сапун В.А.

Старовойтов А.А.

Стремоухов А.В.

Ялбулганов А.А.

Кандидаты юридических наук

Ант Л.Ф.

Атмажитов В.М.

Власенко В.Н.

Власова Т.В.

Галахова А.В.

Казанцев М.Ф.

Колунтаев С.А.

Рубаник С.А.

Татарников В.Г.

Фильченко А.П.

Кандидат технических наук

Нерсисян В.С.

Без степени:

Ермаков О.Е.

Жуков Д.

Иванова Т.В.

Крук А.Ю.

Кудряшова А.Н.

Курбатова Г.В.

Лугманов Р.Р.

Мирошникова И.В.

Полозян С.А.

Садыков Р.Р.

Сорокина А.И.

Тонких Е.Е.

Ямашева Е.В.

Рабочая издательская группа:

Алферова Е. В.

Егорова Т. Б.

Листовская В. Н.

Лужина О. В.

Паламарчук В.В.

Содержание

Вступительная статья	5
А.....	24
Б.....	133
В.....	292
Г.....	373
Д.....	485
Е.....	538
Ж.....	584
З.....	609
И.....	665
К.....	716
Л.....	967

С 16 октября 2014 года Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия правосудия» переименовано в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (сокращенное наименование — ФГБОУВО «РГУП»).

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

О ВРЕМЕНИ И ПРАВОВОЙ НАУКЕ

В третьем и четвертом томах настоящего издания помещены биографии: 1) российских ученых-правоведов — докторов юридических наук, внесших весомый вклад в российскую правовую науку *за период с 1965 по 2010 гг.* 2) руководителей Коммунистической партии и политических деятелей, определявших основные направления правовой политики и юридической идеологии советского или современного российского государства; 3) кандидатов юридических наук, подготовивших и опубликовавших несколько монографий или принявших активное участие в подготовке данного Словаря.

За этот период правовая наука вместе с обществом и государством прошла два качественно

различных этапа: советской правовой науки (1965–1991 гг.) и современной российской правовой науки (с 1992 г. по настоящее время). Однако систематизировать биографии российских правоведов в соответствии с этими этапами не представляется возможным, поскольку научная карьера их значительной части начиналась в советском государстве и успешно продолжается по настоящее время. С учетом этого обстоятельства биографии систематизируются в алфавитном порядке: в третьем томе помещены биографии деятелей науки и правовой политики, фамилии которых начинаются на «А–Л», биографии остальных ученых и политиков будут помещены в четвертом томе.

Советская правовая наука на вершине своего развития

По мнению некоторых российских ученых: либералов и демократов, советская правовая наука не может претендовать на статус науки с большой буквы, поскольку научные публикации носили в основном описательный характер, апологизировали действующую власть и советское государство и для научных публикаций необходимой новизной не обладали. Словом, это была не правовая наука, а ее превращенная форма, не более, чем видимость подлинной науки. «Именно коммунистическая марксистская классовая идеология, по многим характеристикам имеющая религиозно-догматический характер (потом к ней примкнули национал-социалистические воззрения), — уверяет С. С. Алексеев, — создавала видимость действительной, подлинной научности и тем самым дала мировоззренческое обоснование социалистическому праву и социалистической законности». А потому «решительный разрыв с философией и практикой коммунистического права» признается необходимым условием «приобретения ценностей и идеалов философии гуманистического права»¹.

Как современник и непосредственный участник последнего периода истории советско-рос-

сийской правовой науки ответственно заявляю, что негативные оценки советской правовой науки, в общем и целом, не соответствуют ее действительной сущности и содержанию, а также имевшим место событиям и процессам. Советская правовая наука на финише своей истории успешно развивалась как минимум по семи ведущим и принципиально новым направлениям. Это проблемы: 1) методологии правовой науки; 2) применения в правоведении социальных правовых исследований и формирования криминологии как новой отрасли юридической науки; 3) эффективности норм права и юридического прогнозирования; 4) создания автоматизированных систем поиска нормативных правовых актов; 5) сравнительного правоведения; 6) правопонимания; 7) соотношения личности и государства; 8) системы права и систематизации законодательства; 9) отраслевых и исторических юридических наук.

С 1965 г., выполняя постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», советские правоведы заметно активизировали исследования методологических проблем познания предмета правовой науки.

¹ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 521, 526.

Методология правовых исследований впервые в истории российской правовой науки была осознана как самостоятельное и фундаментальное направление правовой науки, ей был посвящен ряд монографических исследований (В. П. Казимирчук, В. В. Лазарев, Д. И. Фельдман, Г. И. Курдюков, Ю. Я. Басков, А. И. Денисов, В. А. Шабалин, А. А. Тилле, А. Ф. Черданцев, А. М. Васильев, В. М. Сырых и др.). Советскими правоведами была обоснована необходимость системной и творческой разработки метода правовой науки, определены основные направления подобных исследований и предприняты содержательные попытки применения отдельных методов исследования, особое внимание уделялось творческому применению в правоведении всеобщего диалектико-материалистического метода.

Первоначально теоретики права предприняли попытку выявить специфику применения философских категорий в познании права и государства посредством конкретизации («преломления») их содержания применительно к специфике правовых явлений. Наиболее полно этот подход был реализован Д. А. Керимовым в работе «Философские проблемы права». Однако поставленная цель исследования не была достигнута. Слишком велико многообразие конкретных правовых явлений, чтобы можно было в этом многообразии выявить какие-то общие черты их диалектического развития помимо тех, что составляют содержание соответствующих философских категорий. Диалектический метод по-прежнему оставался не понятым юристами, о нем больше говорили, чем его применяли.

Начиная со второй половины 70-х гг. прошлого столетия творческое применение диалектики в правовой науке стало пониматься иначе — как разработка путей реализации принципов диалектической логики (требований объективности и полноты познания, системного и конкретно-исторического подхода и др.) в системе общих, специальных и частных методов познания права и государства. При этом основной акцент в сфере методологии был сделан на разработке специальных и частных методов правовой науки: социальных правовых, сравнительного правоведения и так называемых кибернетических. В работах В. Н. Кудрявцева, В. П. Казимирчука, Ю. А. Суслова, Л. И. Спиридонова, В. А. Козлова, А. А. Герцензона, Н. В. Радутной и др. были определены пути применения в правоведении социальных, правовых методов, а также содержательно разработаны сами методы. Впервые в истории российской правовой науки В. И. Никитинским,

И. С. Самощенко, В. В. Глазыриным была предложена методология и методика проведения социальных правовых исследований эффективности норм права, которая получила широкое признание в СССР и за рубежом. Плодотворный вклад в методологию сравнительно-правовых исследований внесли А. А. Тилле, Г. В. Швеков, В. А. Туманов, С. Л. Зивс и др., а методология применения в правоведении кибернетических методов была изложена в работах Н. В. Витрука, А. Ф. Шебанова, О. А. Гаврилова и др.

Успешное применение названных методов значительно расширило тематику правовых исследований и, соответственно, эмпирическую базу отдельных отраслей права, способствовало успешному освоению и проведению прикладных исследований действия права и иных компонентов политико-правовой практики.

Благодаря применению социальных правовых исследований — анкетирования, экспертных опросов, изучения материалов правоприменительной практики — начиная с 70-х гг. прошлого столетия были проведены успешные исследования эффективности норм права; сформулированы научно обоснованные выводы о результативности их действия, выявлены присущие им недостатки и подготовлены конкретные предложения о путях совершенствования недостаточно эффективных норм права. Наиболее широко такие исследования проводились в уголовном, трудовом и других отраслях права. На базе этих исследований в 80-х гг. была образована новая отрасль правовой науки — криминология, а также разработана методика прогнозирования эффективности проектируемых норм права.

Овладение советскими правоведами методом сравнительного правоведения способствовало обогащению правовой науки знаниями действующих норм зарубежного законодательства, позитивного и негативного опыта правотворчества. Изучались в первую очередь нормы союзных республик в составе СССР, а также законодательство социалистических стран. Одновременно были проведены сравнительно-правовые исследования законодательства капиталистических государств, что, в свою очередь, способствовало заметному расширению эмпирической базы отдельных юридических наук и проиллюстрировало положения, выводы научной и учебной литературы нормами не только советского, но и зарубежного законодательства.

Значительный прогресс в правовых исследованиях был достигнут благодаря применению электронной вычислительной техники для решения прикладных задач правовой науки.

Во-первых, расшились возможности проведения криминалистической экспертизы с применением математических моделей. Во-вторых, советским правоведам удалось впервые спроектировать и внедрить в практику автоматизированные системы поиска правовой информации. Наиболее удачным был опыт создания Автоматизированной информационно-поисковой системы «Законодательство», база которого состояла из 26 тыс. нормативных правовых актов высших органов государственной власти и управления Союза ССР; автоматизированный поиск велся с применением специально составленного словаря юридических терминов (тезауруса). В-третьих, в большинстве министерств были созданы автоматизированные системы управления (АСУ), обеспечивавшие автоматизированную обработку информации и позволившие облегчить контроль принятых управленческих решений и некоторые другие формализованные процедуры.

Совершенствование методологии научных исследований самым позитивным образом сказалось и на состоянии теоретических проблем правовой науки. Начиная с 80-х гг. прошлого столетия советскими правоведами были предприняты попытки перейти от позитивистской трактовки права к марксистской, охватывающей не только позитивное право, но и другие формы его реализации в непосредственной реальной жизни. Предлагалось в качестве действительного права понимать правосознание, правоотношения, естественное право, отличать позитивный закон, отражающий субъективную волю законодателя, от правового закона, содержащего подлинное право. Полемика между представителями узкого (позитивистского) понимания права и широкого, сводящего право к правоотношениям или правосознанию, продолжалась до распада советского государства, не утихает она и по настоящее время. Одна из причин недостаточной результативности полемики между представителями узкого и широкого понимания права состоит в том, что дискуссия велась на путях, далеких от материалистического понимания права, способного обеспечить комплексный анализ права как социального явления, раскрыть действительные закономерности его функционирования и развития.

Примечательной чертой советской правовой науки периода развитого социализма является интенсивное развитие всех отраслевых юридических наук, чему в немалой степени способствовали потребности советского государства в системе эффективно действующего

законодательства и юридическом образовании. В 1958–1964 гг. происходит коренная переработка действующего законодательства сталинского периода с целью устранения норм, закрепивших произвол государства и грубо нарушивших права и свободы человека, не соответствовавших политике партии и государства этого периода. Обоснование необходимости проводимых партией и государством мер по совершенствованию общества, законодательства, экономики советские правоведа воспринимали как свою важнейшую задачу и проводили многочисленные исследования в этом направлении.

В числе наиболее значимых достижений советских правоведов можно выделить появление новых наук: экологического права, правовой информатики, хозяйственного права. Традиционные отраслевые юридические науки — гражданское, уголовное, административное, государственное и др. — были существенно переработаны с учетом нового действующего советского законодательства, правотворческого опыта зарубежных государств, потребностей политико-правовой практики в условиях советского государства. Возникшие ранее науки трудового, семейного, земельного законодательства в этот период были существенно дополнены и развиты. Вновь возрожденная советская правовая наука к концу 80-х гг. прошлого столетия ничем не уступала зарубежной; велись плодотворные исследования всех актуальных проблем науки и юридической практики последней трети XX в.

Успехи советской правовой науки этого периода стали возможны благодаря образованию в СССР ряда новых юридических институтов. Помимо ранее действовавших Института государства и права АН СССР, Всесоюзного института юридических наук (с 1963 г. — ВНИИСЗ), юридические институты были образованы при Генеральной Прокуратуре СССР, при Министерстве МВД СССР, при Министерстве юстиции СССР, при отраслевых промышленных министерствах Союза СССР. В целях удовлетворения потребностей в квалифицированных научно-педагогических кадрах, имеющих ученые степени доктора или кандидата юридических наук, в юридических вузах и научно-исследовательских институтах был значительно расширен прием в аспирантуру.

В период развитого социализма существенно выросла сеть юридических факультетов университетов. Однако ведущими кузницами юридических кадров оставались Саратовский, Свердловский и Харьковский юридические институты, юридические факультеты МГУ и ЛГУ, а также

система заочного юридического образования, в центре — Всесоюзный юридический заочный институт, имевший филиалы во всех крупных городах страны, вплоть до Сибири и Дальнего Востока.

Действенным средством координации усилий советских правоведов в сфере научного анализа актуальных проблем правовой науки были все-союзные и международные конференции, систематически проводимые Институтом государства и права АН СССР, Всесоюзным научно-исследовательским институтом законодательства и другими ведущими научными и учебными юридическими учреждениями. Особой популярностью пользовались научно-координационные конференции по отраслям правовой науки, проводимые Институтом государства и права АН СССР на базе дома отдыха АН СССР в Звенигороде. На конференциях с участием самого широкого ученых, представителей практически всех ведущих юридических вузов и научно-исследовательских институтов проходило обсуждение актуальных проблем правовой науки и обязательно принимались рекомендации, содержащие перечень актуальных направлений и проблем научных исследований по соответствующей отрасли правовой науки.

Достижения 70-80-х гг. прошлого столетия, конечно, не ограничиваются названными позитивными результатами, их было значительно больше. Однако сказанного вполне достаточно, чтобы показать, что советские правоведы, откликаясь на потребности практики, внесли весомый вклад в развитие правовой науки, творчески продолжив лучшие традиции российской правовой научной мысли. В то же время следует признать, что этот вклад все же не в полной мере соответствует научному потенциалу, который был накоплен в тот период. Советские ученые-юристы не сумели ответить на все фундаментальные запросы юридической науки и правовой практики своего времени, хотя должны и могли на них ответить.

Основной недостаток советской юридической научной мысли состоял в том, что ученые не изложили сколько-нибудь полно и точно марксистскую доктрину права, не раскрыли суть материалистического подхода к пониманию права, закономерностей его развития и не сумели творчески применить этот подход к познанию путей развития советского общенародного государства и права. В результате их постоянные уверения в том, что право определяется экономическим, материальным развитием общества, что оно способно оказывать обратное воздействие на

экономическое развитие, носили абстрактный характер, воспринимались как догмы, постулаты. В то же время механизм соотношения экономики и права оставался неясным, и большого желания его исследовать советские правоведы, за редким исключением, не выказывали.

Социально-правовые исследования механизма действия права, необходимость проведения которых теоретически признавалась советскими правоведами, так и не были освоены представителями гражданского, трудового, финансового, административного и других ведущих отраслей права. Подобные исследования проводились в конкретных отраслях права в порядке эксперимента, показали положительные результаты, но, тем не менее, они не стали повседневным и необходимым средством получения достоверной информации о реальных результатах действия права. В своей основной массе отраслевые ученые упорно ограничивали свои исследования догматическим анализом текстов законов и иных нормативных правовых актов и ни о какой социологии слушать не хотели. Исключение составили лишь представители науки уголовного права, сумевшие освоить методы социально-правовых исследований для изучения причин преступности и сформировавшие новую отрасль правовой науки — криминологию.

Таким образом, советские правоведы так и не смогли до конца излечить застарелую, идущую от дореволюционных времен болезнь юридического позитивизма и, соответственно, избавиться от присущего этой доктрине догматического, формально-логического метода толкования норм права. Значительная часть исследований носила эмпирический, комментаторский характер, ограничивалась анализом действующего законодательства и дальше разъяснения и пропаганды его положений не шла. Претензии советских правоведов на творческое развитие марксистской теории права были не более чем детской игрой в марксизм при неполном знании его сути и содержания, что не могло не сказаться на результатах научных исследований.

Оставаясь на позициях юридического позитивизма, ориентированного на односторонний анализ действующих норм права, советские правоведы не дали правильных ответов на запросы политико-правовой практики советского государства. Они не оценили должным образом перестроечные мероприятия в сфере политико-правовой практики, проводимые под руководством М. С. Горбачева, не сумели предсказать их губительный для судеб социалистического общества и советского государства характер

и определить рациональные пути выхода страны из политического и экономического кризиса. Симптоматично, что сотрудники Института государства и права АН СССР, разрабатывая в 1985 г. прогноз развития политико-правовой сферы до 2000 г., исходили из презумпции незыблемости советского государства и права на прогнозируемый период и все свои усилия свели к предложениям, ограничивающимся косметическим ремонтом изрядно обветшавшего фасада развитого социализма.

Словом, советская правовая наука не в полной мере выполняла свое высокое предназначение как научного руководства, источника научно обоснованных знаний о закономерностях развития государства и права и надежного консультанта в сфере политико-правовой практики.

Недостаточно высокую эффективность исследований советских правоведов нередко объясняют ограничением свободы их научного творчества, обязанностью раскрывать высокий регулятивный потенциал советского права и пропагандировать решения партии и советские законы, а также не искать и тем более не писать о нерешенных политико-правовых проблемах ранее того, чем об этом скажет партия. Бесспорно, данный фактор имел место. Однако, по нашему мнению, он не был решающим. Российские правоведы уже 20 лет действуют в условиях конституционно гарантированной свободы научного слова, а заметного лидера юридической науки, способного представить теоретическое, научно обоснованное видение процессов развития государства и права по-прежнему как не было, так и нет. Число эмпирических исследований в новых условиях отнюдь не уменьшилось, а преумножилось, поскольку работы, содержащие догматический анализ законодательства, органично дополнились публикациями, авторы которых не идут далее составления обзоров положений, воззрений, высказанных в юридической литературе.

По нашему мнению, наиболее значимое негативное воздействие на развитие советской правовой науки оказывали пять факторов: 1) неумелое владение диалектико-материалистическим методом познания; 2) ограниченные возможности опубликования результатов исследования; 3) консерватизм редакционных коллегий журналов и издательств, а также отдельные факты так называемой научной групповщины; 4) активная общественная деятельность ученых-юристов и вовлечение наиболее авторитетных и способных из них в сферу управленческой деятельности; 5) апология политико-правовой

практики партии и советского общенародного государства.

Неумелое владение советскими учеными-юристами, как и другими обществоведами, диалектико-материалистическим методом познания обуславливается прежде всего тем, что в процессе обучения в вузе и аспирантуре они не получали надлежащих философских знаний о действительном содержании данного метода и путях его применения в научном познании конкретных социальных явлений. Живая, творческая мысль, способная развить и дать системное изложение диалектического и исторического материализма как важнейших компонентов марксистской теории была истреблена в зародыше в 30-е гг. прошлого столетия под флагом борьбы с троцкизмом и оппортунизмом. Официально марксизм был представлен в сталинской аранжировке, весьма далекой от оригинала. Хотя последние 40 лет партия и предпринимала попытки подняться до уровня подлинного марксизма, однако дело не пошло далее общих призывов и попыток отдельных талантливых философов (П. В. Копнин, Э. В. Ильенков, Б. М. Кедров) снять с философской доктрины марксизма сталинский френч.

Не имея верных представлений о действительном содержании диалектико-материалистического метода, советские правоведы даже в 70-х гг. прошлого столетия выполняли сталинские философские установки, конкретизируя законы и категории диалектики применительно к специфике правовых исследований. Наибольших лавров на этом пути снискал Д. А. Керимов, издавший с 70-х по 90-е гг. прошлого столетия ряд монографий, посвященных проблемам конкретизации основных категорий диалектики в познании политико-правовых явлений. Сформулированное нами в 80-х гг. XX в. предложение рассматривать диалектический метод как совокупность принципов диалектической логики, которые, будучи всеобщими принципами научного познания, образуют философскую основу метода правовой науки и подлежат конкретизации, развитию в системе общих, специальных и частных методов научного познания права и государства, не было поддержано научным сообществом. В то же время это предложение не подвергалось и критике. Между тем именно этот путь применения диалектического метода использовали К. Маркс и Ф. Энгельс в своих исследованиях, на что справедливо обращал внимание В. И. Ленин, говоря, что диалектика есть живое, многостороннее «познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к дейст-

вительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка)»¹.

Не получая конкретного ответа на вопрос, каким образом можно и следует применять диалектико-материалистический метод в познании предмета и объекта правовой науки, советские правоведы творили науку на путях, далеких от ее подлинно научных, рациональных путей, и потому не в полной мере использовали свой научный потенциал. Попытки отдельных теоретиков (Л. И. Спиридонов, В. О. Тененбаум, А. М. Васильев) самостоятельно найти путь применения марковского метода восхождения от абстрактного к конкретному и перевода советской правовой доктрины в русло аутентичной марксистской теории права не дали ожидаемых результатов.

Между тем советская правовая наука в 70–80-х гг. прошлого столетия располагала наибольшим контингентом научно-педагогических кадров, по сравнению со всеми предшествующими периодами. К концу 80-х гг. в стране насчитывалось более 2.000 докторов и кандидатов юридических наук. Тем не менее, среди них не оказалось титанов ума, равных гению Г. М. Плеханова, В. И. Ленина, Н. И. Бухарина. Не нашлось ни одного явного лидера советской юридической науки, способного системно и точно изложить марксистскую теорию права, придать ей целостный, логически последовательный вид и творчески развить с учетом конкретных задач и потребностей практики социалистического строительства. Из среды советских правоведов не вышел даже сколько-нибудь стоящий диссидент, зато как все дружно переметнулись в антисоветчики после развала СССР и перехода государственной власти в руки лиц, взявших курс на всемерное развитие в стране рыночных отношений.

Советское государство, широко открыв двери для формирования научных юридических кадров, не создало надлежащих условий для научного творчества, наоборот, установило ряд искусственных препон. Наиболее негативно на научной деятельности советских ученых-правоведов сказывались сложности, которые неминуемо возникали в процессе опубликования рукописи в связи с крайне ограниченным кругом издательств, публикующих юридическую литературу. На весь Советский Союз существовало одно специализированное юридическое издательство «Юридическая литература», которое охотно публиковало учебники, комментарии

к действующему законодательству, но не горело желанием публиковать монографии: их вышло немного и чаще всего объемом 10–12 п.л. Правом издания юридической литературы обладали также некоторые юридические вузы. Не лучшим образом обстояло дело с публикациями статей. В СССР было два общесоюзных юридических журнала: «Советское государство и право» и «Социалистическая законность».

Острый дефицит издательств и изданий, готовых публиковать труды советских правоведов, усиливался консерватизмом членов редакционных советов журналов и издательств, «открывавших шлагбаум» на пути к заветной публикации. Коль скоро в редакционные советы включались наиболее авторитетные и, соответственно, не самые молодые ученые, научные идеалы, которых были так или иначе связаны с парадигмой правовой науки сталинского периода 40–50 гг., заранее можно было прогнозировать шансы на позитивное решение относительно публикации статьи или работы, которая так или иначе ставила и решала какие-либо новые вопросы, содержала новое видение традиционных проблем. Опубликовать статью в журнале «Советское государство и право» молодой, недостаточно известный ученый мог лишь при одном условии, что в редакционной коллегии имелся хотя бы один член, способный «о бедном гусаре» замолвить слово. Еще более трудным был путь включения в план издательства «Юридическая литература».

Отношения между членами научного сообщества отнюдь не всегда носили товарищеский, дружелюбный характер. Не было изжито такое негативное явление, как научная групповщина, которая чаще всего проявлялась при защите неординарно написанных докторских диссертаций. Достаточно сказать, что такие ныне известные и талантливые юристы, как А. А. Собчак и В. Д. Зорькин, докторские диссертации защищали дважды. Отрицательное голосование по результатам защиты их докторских диссертаций было обусловлено отнюдь не качеством работ, а негативным отношением отдельных лиц к авторам диссертаций.

С учетом изложенных обстоятельств пристроить свою работу в издательство было подвигом, достойным Геракла, но и принятая рукопись издавалась крайне медленно, могла пролежать в издательстве два-четыре года. Ныне опубликовавший ряд интересных, содержательных объемных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

монографий член-корр. РАН Г. В. Мальцев в советском государстве сумел издать первую работу в 1968 г., а вторую — лишь спустя 19 лет. Даже активно публиковавшийся в этот период С. С. Алексеев, скорее всего, не был в полной мере удовлетворен ходом публикаций своих работ. Так, после издания в Госюриздате книги «Общие теоретические проблемы системы советского права», в 1961 г. объемом 10 п.л., он сумел опубликоваться в этом же издательстве, переименованном в «Юридическую литературу», издав «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» объемом 10 п.л. лишь спустя пять лет. Еще пять лет потребовалось для того, чтобы опубликовать третью монографию «Социальная ценность права в советском обществе (М., 1971, объем 12 п.л.). Лично мне, занимавшему скромную должность старшего научного сотрудника ВНИИСЗ, в условиях советского государства удалось опубликовать всего одну монографию, объемом 10 п.л.

Имея призрачные шансы на издание своих работ, значительная часть правоведов не испытывала большего желания писать «в стол» и разработкой проблем правоведения занималась от случая к случаю, чаще всего в качестве соавторов учебников, комментариев к действующему законодательству или статей в сборники. Охоту к серьезным научным исследованиям отбивали также требования, которым должна удовлетворять научная публикация.

Автор, желающий быстро и без больших волнений опубликовать свою рукопись, должен был излагать не те мысли, которые у него сформировались в процессе работы над темой, а те, что требовались от него партией и проводящей ее идеи редакционной коллегией издания. Требовалось же немного: 1) сделать несколько ссылок на решения партии, высказывания ее лидера и работы В. И. Ленина; 2) описать позитивный опыт реализации решений партии и поддержать его; 3) критически оценить антидемократическую, антинародную суть буржуазного государства и права; 4) дать некоторые незначительные предложения по совершенствованию, развитию исследуемого политического или правового института; 5) ни в коем случае не критиковать членов редакционной коллегии и руководство родного вуза или научного учреждения.

Соблюдение изложенных требований неизбежно влекло за собой апологетику существующей практики советского государства и социалистического строя, сервилизм автора перед всеми, решающими судьбу его рукописи. Опубликованные работы в своих общих теоретических

посылках походили друг на друга как близнецы-сестры — одними и теми же расхожими цитатами, стандартными фразами о руководящей и решающей роли партии в решении исследуемой проблемы и бесконечном счастье народа, неизменно ощущающего на себе постоянную заботу партии, живущего в атмосфере подлинной демократии и свободы. Собственная оригинальная мысль автора, если она в чем-то выходила за рамки решений партии, излагалась полупонамеками и чаще всего неполно, иносказательно.

Несмотря на трудности, возникавшие при опубликовании научных работ, число желающих заниматься научными исследованиями права постоянно возрастало потому, что имелся другой действенный стимул — высокая заработная плата. Если в 60-х годах прошлого столетия народный судья получал 130 руб. в месяц, а районный прокурор 140 руб., то кандидат наук, доцент — в два раза больше, 320 руб. Доктор юридических наук, профессор на этом фоне и вовсе был советским «миллионером», получая 450 руб. в месяц. Поэтому далеко не все, пришедшие в науку, действовали во имя науки, значительная часть докторов и кандидатов наук «остепенялась» в целях удовлетворения своих материальных потребностей и наукой занималась лишь в той мере, в какой этого требовали условия работы.

Еще одна существенная причина недостаточной высокой научной результативности исследований советских правоведов кроется в их привлечении к общественно-политической работе. Всем активно действующим в науке ученым-правоведам оказывалась высокая честь быть избранными членами бюро первичной партийной организации или профкома. Ученые должны были активно пропагандировать советское право и правовую политику государства, выступать с лекциями, вести семинары или кружки в сети партийно-комсомольской учебы, консультировать государственные и партийные органы по правовым вопросам, готовить для них разного рода справки или заключения. Консультирование воспринималось как свидетельство признания государственными и партийными органами авторитета ученого, высокой практической значимости его исследований, и потому в глазах научной общественности ценилось очень высоко, несмотря на то, что консультирование чаще всего велось на общественной, бесплатной основе.

Научная элита постоянно несла существенные потери от того, что наиболее способные, талантливые ученые переходили на штатную работу в государственные и партийные органы либо занимали руководящие должности в вузах

или научных учреждениях, где наукой можно было заниматься лишь урывками, время от времени, как «хобби». Так, директор ВНИИСЗ И. С. Самощенко пытался сочетать подготовку научных работ с управленческими функциями. Он мог одновременно принимать посетителей, поток которых к нему как руководителю был достаточно полноводным, а в перерыве между посетителями писать научную работу. Однако, когда он стал заместителем Министра юстиции СССР, для занятий наукой не осталось времени даже в таком усеченном виде. Свой высокий научный потенциал и свои научные планы он не сумел реализовать полностью, хотя весьма глубоко знал работы К.Маркса и имел серьезные намерения написать работу, посвященную материалистической теории права. И. С. Самощенко удалось лишь выполнить самую трудоемкую первичную часть работы — выявить и систематизировать марксистские положения по вопросам государства и права.

Не сумел реализовать в полной мере свой научный потенциал и А. В. Мицкевич, издавший в 60-х гг. прошлого столетия две талантливо написанные монографии. В последующие 30 с лишним лет он смог подготовить лишь отдельные главы в монографиях или учебниках и ряд статей, уделяя первостепенное внимание управленческим функциям в должности заместителя руководителя кафедры теории государства и права Академии общественных наук при ЦК КПСС, а потом — заместителя директора ВНИИСЗ.

Наука очень ревниво относится к своим адептам и не желает их делить ни со сферой управления, ни с общественной деятельностью. Науку походя развивать невозможно, для получения позитивных результатов по исследуемой теме требуются постоянные и длительные занятия. Стоит по тем или иным причинам прервать работу над темой, как темп резко снижается. Приходится несколько дней заново и мучительно вживаться в тему, выявлять присущие ей проблемы и определять пути их решения и изложения. Не случайно наиболее «плодовитые» теоретики 80-х гг. прошлого столетия оказались не в Москве, а в Свердловске (С. С. Алексеев) и Ленинграде (Я. С. Явич, О. С. Иоффе).

Отмеченные и иные недостатки в организации научных исследований и публикации их

результатов не самым лучшим образом сказались на развитии советской правовой науки. Заметное увеличение числа ученых-юристов в 70-х гг. прошлого столетия не привело к столь же заметному росту правовой науки, интенсивной разработке ее фундаментальных и прикладных проблем. Вопреки законам диалектики количество ученых не переросло в содержательное качество, советская правовая наука так и не смогла преодолеть позитивизма. Все новации, связанные с применением социально-правовых, статистических методов, исследованием истории права и государства с материалистических позиций, которые были предложены сообществу советских правоведов в этот период, остались на уровне благих пожеланий. Догматический (формально-логический) метод сохранил и ныне сохраняет лидирующее положение в качестве ведущего, если не единственного реально применяемого частнонаучного метода правовых исследований.

Таким образом, советская правовая наука была обречена на медленное эволюционное развитие. Создавался замкнутый круг. Молодые ученые, способные к генерированию новых идей и теорий, были поставлены в условия, которые скорее препятствовали, чем способствовали интенсификации их научной деятельности. Маститые исследователи, стоящие у руля правовой науки, в силу консерватизма, присущего их возрасту, отнюдь не всегда были готовы поддерживать новые идеи и предложения молодых ученых. Они стойко ориентировались в основном на решения партии, которые были так же далеки от реалий, как и материализм советских правоведов от действительного материализма основоположников марксизма. Одновременно среди советских ученых юристов, особенно в перестроечный период, росло и усиливалось негативное отношение к состоянию научных исследований и даваемым ими позитивным оценкам политико-правовой практики советского государства, однако этот новый аспект в истории советской правовой науки не был вынесен на страницы ни официальной, ни диссидентской литературы. «Бунт» советских правоведов против официальной доктрины права не вышел за пределы их частных разговоров в саунах, за столом и на кухне.

Современный период российской правовой науки

Современный период российской правовой науки берет свое начало с 1991 г., с того момента, когда Советское государство официально прек-

ратило свое существование. Российская Федерация, будучи его правопреемником во всех сферах общества и делах, способствовала пере-

ходу российской правовой науки на следующий, современный этап развития, характеризующийся рядом новых условий ее функционирования. Наиболее значимое отличие этого периода от предыдущего состоит в освобождении российских правоведов от официальной обязанности разрабатывать правовую науку по канонам марксистской доктрины и вести исследования, руководствуясь методом материалистической диалектики, реализованным в совокупности общих, специальных и частных методов.

Статья 44 Конституции РФ каждому гарантирует свободу научного, технического и других видов творчества. С формально-юридических позиций российский правовед полностью свободен в выборе методов и подходов к исследуемым политико-правовым явлениям и процессам, волен писать то, что он хочет и как он хочет. Однако данная свобода дарована отнюдь не бескорыстно. Государство сняло с себя обязанность публиковать за свой счет труды сотрудников государственных научных организаций и образовательных учреждений. Единственное юридическое издательство «Юридическая литература» в соответствии с Указом Президента РФ от 3 апреля 1997 года приобрело статус официального публикатора федеральных законов, постановлений палат Федерального Собрания, указов Президента, постановлений и распоряжений Правительства и иных нормативных правовых актов. Тем самым ученым предоставлена не только свобода научного творчества, но и свобода публикации своих трудов — публикуй, где сможешь и если сумеешь договориться с издателем.

Словом, свободный от государственной опеки и государственной поддержки ученый должен стать успешным предпринимателем, способным уговорить частных издателей, а их появилось предостаточно, опубликовать подготовленный труд. И, как показал опыт, в целом юристы оказались неплохими предпринимателями. Так или иначе, поток юридической литературы стал намного полноводней. Но, как справедливо отмечает Г. В. Мальцев, на этот плюс есть два минуса: небольшие тиражи изданий и нежелание частных книжных магазинов принимать монографии на продажу. Тираж в несколько тысяч экземпляров теперь российскому правоведа может только сниться. Его научные труды выходят в свет тиражом в одну тысячу, а в среднем в 500 экземпляров. Опубликованная работа в лучшем случае продается лишь в магазинах региона, где была издана, в другие регионы она не попадает, и автор вынужден дарить свой

труд своим коллегам. О гонораре не может быть и речи. Научная работа в области правоведения становится частным и чисто общественным делом ученого, мизерные гонорары существуют лишь за изданные учебники.

Таким образом, возможность российского правоведа издать свою работу независимо от воли государственных органов и редакционных коллегий небольшим тиражом, распространяемым в одном или нескольких регионах, улучшает его правовой статус, но не обеспечивает всей полноты свободы слова. Автор по техническим причинам, как и в советские времена, лишен возможности обратиться ко всему научному сообществу, представить на его суд свое видение исследуемых проблем. Положение усугубляется еще и тем, что экземпляры далеко не всех издаваемых в Российской Федерации монографий поступают в Российскую государственную библиотеку и Российскую национальную библиотеку. Обязанность издателей направлять обязательные экземпляры печатной продукции в Книжную палату и иные организации отнюдь не всегда исполняется.

Однако свобода научной мысли, даже в таком урезанном, неполном виде, все же оказала позитивное влияние на интенсивность научных исследований российских правоведов. Число научных монографических публикаций в стране существенно увеличилось, значительно расширилась и тематика. Несмотря на недостаточное материальное стимулирование, российские ученые ведут интенсивные исследования с учетом конъюнктуры сегодняшнего дня во всех отраслях правовой науки.

В первую очередь анализируются фундаментальные проблемы общей теории права. Российские правоведы ведут интенсивный поиск правовой доктрины, способной наиболее полно и точно определить закономерности функционирования и развития права в современных условиях глобализации, дальнейшей демократизации гражданского общества и формирования правового государства. Новые оригинальные решения названных проблем содержатся в работах М. И. Байтина, И. А. Исаева, Г. В. Мальцева, В. С. Нерсисянца, М. Н. Марченко, В. М. Шафирова. В работах Г. В. Мальцева, В. Г. Графского, В. В. Лазарева, О. Э. Лейста, А. М. Полякова, И. Л. Честнова в повестку дня поставлена проблема современного правового понимания. Сложный и непростой характер дискуссии, возникшей по этой проблеме, наиболее полно отражен Российским ежегодником теории права, изданным под ред. А. М. Поля-

кова, и сборником статей «Теоретические и практические проблемы правопонимания» под ред. В. М. Сырых и М. А. Заниной¹.

Значительно активизировались исследования методологических проблем правовой науки. В частности, благодаря работам В. Н. Кудрявцева и В. Н. Казимирчука, Ю. И. Гревцова, В. М. Сырых, Т. В. Худойкиной определенный прогресс был достигнут в понимании гносеологической природы социальных правовых исследований и используемых в них методов научного познания, в раскрытии соотношения социологии права с теорией права и отраслевыми юридическими науками, в определении путей эффективного использования методов социально-правовых исследований в познании права. В работах А. В. Малько, Н. И. Матузова, Н. В. Исакова, О. Ю. Рыбакова сформировано новое, но весьма плодотворное направление научных исследований — политика права, ориентированное на углубленное изучение деятельности государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования и наиболее полному обеспечению прав и свобод личности. Одновременно А. Б. Венгеровым, А. И. Овчинниковым, В. П. Малаховым, Г. В. Мальцевым, И. Л. Честновым предпринимались попытки расширить методологический арсенал правовой науки за счет активного использования юристами таких новейших методов исследования, как синергетика, герменевтика и юридическая феноменология.

Заметные успехи были достигнуты в решении конкретных проблем общей теории права, в том числе, проблем правотворчества, источников права и законодательной техники, наибольший вклад в разработку которых был внесен трудами М. Н. Марченко, В. В. Ершова, В. М. Баранова, Т. В. Кашаниной, Ю. А. Тихомирова, Н. А. Власенко, В. Н. Карташова и др. Большое значение в работах Е. А. Лукашовой, Ф. М. Рудинского, В. А. Карташкина придавалось исследованиям системы прав человека и гражданина, путей повышения их юридической и материальной гарантированности в условиях социально ориентированного государства.

Российские правоведы усилили внимание к проблемам истории российского государства и права, истории политических и правовых учений. Наряду с исследованиями общих закономерностей истории государства

и права как самостоятельной отрасли правоведения, методологических проблем исторического познания, успешно проведенными А. И. Косаревым, А. И. Исаевым, историками-правоведами А. С. Смыкалиным, О. А. Омельченко, В. В. Еремяном проведены содержательные исследования истории российского государства, в ходе которых были выявлены дополнительные исторические материалы и даны новые содержательные оценки и выводы. Одной из характерных черт современных исторических исследований государства и права является усиленный интерес к проблемам истории становления и развития правовой науки, научных организаций и образовательных учреждений. История правовой науки ныне обособленно признана необходимым компонентом предмета истории государства и права, и ее углубленное изучение имеет самые радужные перспективы в современный период и в будущем.

Интенсивно развивается наука конституционного права. Предметом исследований, проводимых представителями этой науки, выступают проблемы и закономерности формирования и функционирования системы федеральных органов государственной власти, роль конституционного правосудия в защиту Конституции РФ от противоречий, содержащихся в законах и иных нормативных правовых актах. Принципиально новое направление конституционных исследований составило изучение деятельности Конституционного Суда РФ. Наиболее весомый вклад был внесен Н. В. Витруком, В. Д. Зорькиным, В. О. Лучиным, Б. С. Эбзеевым, предпринявшими попытку обосновать юридическую природу решений Конституционного Суда, порядка его деятельности и исполнения принятых им решений. Успешно ведется поиск оптимальной модели деятельности государственных органов субъектов РФ, уточнения и обоснования предметов их ведения, иерархической связи принимаемых ими нормативных правовых актов с федеральными законами, актами Президента РФ и постановления Правительства РФ. Российскими правоведами были также заложены основы муниципального права, раскрыты особенности его предмета, структуры, особенности организации и деятельности муниципальных органов и принимаемых ими нормативных правовых актов.

Представители отраслевых юридических наук в своих работах уделяют первостепенное

¹ Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. проф. А. В. Полякова. СПб., 2009; Теоретические и практические проблемы правопонимания / Под ред. В. М. Сырых и М. А. Заниной. М., 2009.

внимание анализу действующего законодательства, выявлению в нем пробелов и противоречий, иных несовершенных норм права. Одновременно ими готовятся научно обоснованные предложения о путях дальнейшего совершенствования законодательства, способного максимально точно и полно отразить особенности и содержание правового регулирования в условиях рыночных отношений и социально ориентированной политики российского государства. Успешно идет процесс развития наук гражданского, финансового, уголовного процессуального, гражданского процессуального права, предметы которых претерпели наибольшие изменения в связи с переходом к обществу с рыночной экономикой. Коренные изменения в сфере образования и образовательной деятельности, обусловленные введением частных образовательных учреждений, новых форм обучения и новых способов управления системой образования, привели к появлению новой отрасли правовой науки — образовательного права.

Следует признать, что интенсификация научных исследований в сфере правовой науки была обусловлена не только благими намерениями российских правоведов восполнить пробелы в знаниях и придать политико-правовой практике российского государства научно обоснованный, целенаправленный и правомерный курс. Духовный интерес так или иначе был все же усилен меркантильным стремлением авторов монографических работ успешно защитить докторские диссертации, чему во многом способствовал сохранившийся с советских времен достаточно простой порядок их защиты.

Желающий получить докторскую степень должен был, как минимум, опубликовать монографию, наиболее полно отражающую содержание докторской диссертации. Сложности с опубликованием монографии в условиях советского государства искусственно, но надежно сдерживали поток желающих получить докторскую степень. В условиях рыночных отношений это препятствие было устранено. Для постановки докторской диссертации на защиту достаточно издать монографию в 10-12 п.л. тиражом 100 экземпляров, что было по силам практически каждому преподавателю вуза или сотруднику научной организации. Поэтому многие кандидаты наук стали интенсивно готовить и издавать монографии, чтобы затем защитить докторскую диссертацию.

Начиная примерно с 1996 г. докторскими диссертациями были завалены диссертационные советы, действующие при ведущих юридических

вузах, научных учреждениях и юридических факультетов университетов. За последние 20 лет в России было защищено докторских диссертаций намного больше, чем за последние два столетия. Так, за период с 1994 по 1998 г. по правовым наукам было защищено 258 докторских и 373 кандидатских диссертаций, а далее число защит шло по нарастающей и достигло до 300 докторских диссертаций в год.

Конечно, не все получившие докторские степени по юридическим наукам были верными адептами правовой науки и испытывали неистребимую потребность в систематических научных исследованиях, многие защищали диссертации по чисто престижным соображениям. В современных условиях степень доктора юридических наук перестала быть официальным свидетельством принадлежности ее носителя к научной элите, к ареопагу правовых мыслителей. Она превратилась в разменную монету политиков и чиновников, используемую в чисто карьерных целях.

Получив всякими правдами и неправдами степень доктора наук, нацеленный на карьеру чиновник или политик сразу же вырастает в глазах своих коллег на три, а то и на четыре головы, и этот чуждый науке специалист больше к научным исследованиям не подходит. Примерно каждый десятый доктор юридических наук, судя по каталогам Российской государственной библиотеки, в течение семи-десяти лет после защиты не опубликовал ни одной монографии. И это вполне понятно, он успешно получает свои дивиденды с науки, практически ничего не вкладывая в нее. Подобное потребительское отношение к докторской степени и небрежение научными исследованиями проявляют и отдельные научно-педагогические работники. Получив степень доктора юридических наук и звание профессора, они почивают на лаврах и к научной деятельности возвращаются лишь по необходимости, чаще всего на уровне тезисов или в соавторстве со своим аспирантом.

Погоня за научными степенями части соискателей докторских степеней негативно влияет на качество научных исследований. Наряду с творческими работами, богатыми научно обоснованными выводами и оценками, отдельные публикации могут содержать предложения весьма проблематичные, не соответствующие действительным реалиям. Реализация таких предложений является либо невозможной, либо влекущей смену прогрессивных позиций правовой науки на менее прогрессивные, чреватые снижением теоретического уровня исследований права

и государства, усилением субъективистских, идеалистических начал в понимании и объяснении юридической природы права.

Прежде всего, произошел массовый уход с позиций марксистской материалистической теории права. Для большинства российских правоведов он не был мучительным и долгим, они никогда не были стойкими адептами данной теории. Как уже говорилось, советская правовая доктрина твердо придерживалась позитивистской концепции права и фактически неукоснительно следовала ей в своих фундаментальных и прикладных исследованиях. Тем не менее российские правоведы предпринимают попытки теоретически и методологически оправдать свою измену марксистской теории, неправомерно выдавая свое позитивистское решение теоретических проблем правовой науки за подлинный марксизм.

Массовый уход от материализма, хотя и признаваемого ранее по преимуществу наивно и неверно, сползание на позиции замшелых идеалистических доктрин шли двумя путями: одни авторы предложили вернуться к истокам буржуазной правовой мысли, представленной в работах И. Канта, Г. Гегеля, Е. Дюринга, основоположников юридического позитивизма, тогда как другие сочли за благо творчески освоить современные методологические достижения западноевропейских философов (синергетику, герменевтику или феноменологию). Процесс разбредания ученых по юридическим доктринам составляет одну из примечательных черт современного этапа развития российского правоведения и заслуживает более подробного описания.

Необходимость возврата правовой науки на позиции И. Канта С. С. Алексеев мотивировал тем, что «положения Канта о «чистом праве» — это *ключевой пункт философии гуманистического права, открывшего перспективу его основательного философского понимания, постижения наиболее «решающих» его характеристик — его смысла и назначения*». Правовая наука, по его мнению, должна рассматривать исследуемые явления в «чистом виде», поскольку, лишь отвлекаясь от опутывающих их связей и влияний, можно постигнуть их глубины, определяющие сущностные характеристики, а затем уже понять все его связи и опосредствования. Реализующая подобный подход догма права представляет собой «высокозначимый феномен, объективированное и интегративное в системе внешних, практических отношений выражение разума (чистого разума)»¹.

С позиций «чистого разума» В. С. Нерсисянц излагал основы своей доктрины либертарного права, однако пришел к иным результатам, нежели С. С. Алексеев. В рамках либертарной доктрины право понимается как «выражение смысла и принципа правовой свободы индивидов и, следовательно, исходной основы и отличительной особенности всякого права, т.е. это лишь необходимый минимум права, то, без чего нет и не может быть права вообще, в том числе и правового закона»². Суть же права составляют принципы формального равенства, свободы и справедливости.

Из-за неопределенности и недостаточной четкости в изложении С. С. Алексеевым и В. С. Нерсисянцем реанимированных философских доктрин начала XIX в. российские правоведы не испытали большого доверия к ним, предпочтя остаться на позициях юридического позитивизма. Теоретическое кредо сторонников этой доктрины наиболее полно и последовательно изложили М. И. Байтин и О. Э. Лейст. В частности, М. И. Байтин стремится согласовать позитивистское понимание права с ориентацией общества и государственной власти России на формирование правового государства. По его мнению, современное нормативное правопонимание воспринимает правовое государство как наиболее совершенную модель демократического цивилизованного государства, состоящую из двух взаимосвязанных сторон. Одна из этих сторон, формально-юридическая, заключается в том, что весь процесс формирования и деятельности государства вводится в строгие правовые границы с учетом норм не только внутригосударственного, но и международного права; что посредством права регламентируются пределы государственной деятельности, создание, полномочия и функционирование всех государственных органов. Вторая, социально-юридическая, сторона состоит в наиболее полном обеспечении и защите прав и свобод личности. «При всей загруженности государства и другими многочисленными делами именно в этом состоит его главное призвание, высшее предназначение»³.

Весьма оригинальный подход к пониманию права, оставшийся незамеченным широкой юридической общественностью, был предложен С. Н. Егоровым. В основе этого подхода лежал аксиоматический метод, основоположником

¹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 565, 594.

² Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1999. С. 34.

³ Байтин М. И. Сущность права. Нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. С. 461.

которого является не кто иной, как печально известный Е. Дюринг. В понимании С. Н. Егорова, теория права должна начинаться не с анализа социально-правовой реальности, а с выведения очевидных утверждений, истинность которых не может быть доказана. В теории права таковыми выступают аксиомы: «каждый человек обладает внутренней свободой (свободой воли)», «каждый человек хочет жить хорошо», «стремление каждого человека к хорошей жизни правомерно (оправданно)». Опираясь этими аксиомами и конкретизируя их, теория права, полагает С. Н. Егоров, способна обрести свое подлинное понимание права¹.

Таким образом, новые пути развития правовой науки прокладываются в области, прямо противоположной материализму, отрицается прямое воздействие экономических отношений на право, познание его сущности предполагается искать в сугубо идеальных сферах: чистом праве, разумном праве либо посредством формулирования очевидных, всем понятных аксиом. Юридический нормативизм, хотя и предполагает анализ реально действующих законов в качестве исходной основы научного анализа, тем не менее, он также остается верным философии идеализма, поскольку понимаемый им закон представляет собой субъективное явление — волю законодателя. В унисон идеалистическим концепциям правопонимания ведется разработка методологии познания права; вектор методологических устремлений определенной части российских правоведов направлен на современные релятивистские методы научного познания: синергетику, герменевтику и феноменологию права.

Обосновывая необходимость использования юристами синергетики как нового и весьма перспективного метода познания, А. Б. Венгеров отмечал, что синергетика — это наука «о самоорганизующихся случайностных процессах», тогда как традиционная, в том числе и правовая наука ориентировались на познание закономерного и необходимого. Поэтому, уверял он, синергетика выступает «уже как новое мировидение, мировосприятие, коренным образом меняющее понимание необходимого (закономерного, детерминированного) и случайного в самих основах мироустройства... Словом речь, по видимому, идет — не больше и не меньше — о смене

парадигмы общественных наук... и о переосмыслении материалистической диалектики как основного метода научного познания действительности»². В результате диалектика становится лишь частным методом синергетики.

Другим очередным «универсальным» средством познания, способным «расшить» самые узкие места правовой науки, признается герменевтика, разработанная Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером и их последователями Г. Гадамером и П. Рикером. Основы, пути и методы ее применения в правоведении изложил А. И. Овчинников. Он признает, что «юридическая герменевтика представляет собой именно тот подход к праву, который отвечает идеологическим потребностям настоящего времени: остановить «коррозию» общественной структуры, разъедаемую радикальным индивидуализмом (эгоизмом) и духовно-нравственным нигилизмом «общества потребления», не позволяющим преодолеть многочисленные проблемы гуманитарного характера»³. Далее научное познание он низводит до уровня обыденного.

Традиционное теоретическое исследование права объявляется им исследованием с заведомо негодными познавательными методами, разработанными представителями естественных наук (анализом и синтезом, дедукцией, индукцией и др.) и не способными раскрыть сущность социальных, в том числе и правовых явлений. При этом настойчиво внедряется тезис о том, что «правовое мышление профессора юриспруденции отличается от правового мышления обычного человека лишь более обоснованными рационально-дискурсивными надстройками ценностных предпочтений». В основе же теоретического правового мышления лежит отнюдь не философское, мировоззренческое знание, как это привычно, утверждают маститые правоведы, а самое что ни на есть «повседневное знание права»⁴. Одновременно отрицается объективный характер правовых понятий и категорий.

Системное исследование сущности права, основанное на феноменологии Э. Гуссерля, было проведено профессором В. П. Малаховым в работе «Философия права» (Екатеринбург-Москва, 2002). По мнению автора, основу методологии процесса познания сущности права должны составлять вытекающие из концептуального философского знания принципы предзаданности,

¹ См: Егоров С. Н. Аксиоматические основы права. СПб., 2001.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1998.

³ Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002. С. 259.

⁴ Там же. С. 61, 73.

кадейдоскопичности, парадоксальности, безуловности, самодостаточности, самоценности, неуниверсальности и компенсации. Автор предлагает отказаться «от поиска оснований идеи права за пределами самого права (например, от попыток найти их в исторической данности исходного момента, в связанности появлений права с какой-то группой факторов и т.п.), поскольку системность праву придает сам индивид, человек, личность. Проблему сущности права В. П. Малахов сводит к проблеме самообоснования права, которое «в своей безусловности перестает быть предметом, сущность которого является совокупностью связей с другими элементами реальности и преобразуется в идею как в чистую интенцию нашего познания реальности»¹.

Большинство российских правоведов весьма критично относятся к предложениям своих коллег строить современную научную картину права на философских доктринах двухсотлетней давности либо осваивать новые методы, основанные на субъективном идеализме. Характерно, что и сами методологи не спешат внедрять рекламируемые ими методы в практику политико-правовых исследований. Агитацию за синергетику и ее непомерно большие методологические потенции А. В. Венгеров ведет только на словах. Теорию права он излагает традиционным догматическим, формально-юридическим методом, никаких бифуркаций или флуктуаций в области права он не описывает и не поясняет, несмотря на то, что брал на себя обязательства показать, как постулаты синергетики работают в теории права². Не спешит представить на суд российских правоведов герменевтическую парадигму теории права и А. И. Овчинников, хотя уже со времени формирования основ метода юридической герменевтики прошло более десяти лет.

Тем не менее, если современные проводники юридических и методологических доктрин идеалистического толка не смогли завлечь основную массу российских правоведов, продолжающих хранить верность юридическому позитивизму, в глубь пустыни юридического субъективного идеализма и релятивизма, то все же атака не прошла бесследно. Российских правоведов не хватило на системное освоение метода юридической герменевтики, но все же его основную мысль о необходимости замены анализа объективной реальности «вчувствованием» в работы других авторов они усвоили достаточно прочно

и реализовали в форме своеобразного метода научной мозаики. Суть этого метода сводится к безбрежному описанию имеющихся в юридической литературе точек зрения — благо ныне по каждому вопросу имеется источников целый воз и маленькая тележка — и незначительным, самым лапидарным авторским комментариям.

Правовед-мозаичник освобождает себя от обязанности изучать реальность, даже в том усеченном виде, какой представляли собой источники права и закрепленные в них нормы права, как того требует формально-догматический юридический метод. Для успешного исследования нужны самые незначительные усилия: сбор имеющихся точек зрения и их подгонка друг к другу в тексте работы с помощью таких фраз, как «автор отмечает», «автор справедливо признает», «представляется необходимым отметить оригинальный вывод», «в юридической литературе выделяются предложения», «вместе с тем не все авторы признают» и т.д. Подготовленные подобным методом монографические работы представляют собой обширное мозаичное полотно различных точек зрения по исследуемому вопросу, тогда как анализ объективной реальности, составляющей предмет и объект исследования, в таких работах представлен неполно, схематично либо вовсе отсутствует. Публикации, подготовленные изложенным мозаичным методом, составляют заметную часть современной юридической литературы. В то же время имеются достаточные основания полагать, что данный метод, пользующийся большой популярностью среди российских правоведов, имеет реальную перспективу занять лидирующее положение в арсенале методологических средств научного познания права.

Дело в том, что «низкотравчатый» эмпиризм российских правоведов обуславливается не только субъективными факторами. Его питательную среду образуют и объективные факторы, в том числе низкая заработная плата научных сотрудников и педагогических работников, мизерная стипендия аспирантов очной формы обучения, недостаточно качественное высшее юридическое образование. С 2005 по сентябрь 2011 г. стипендия аспирантов-очников составляла 1500 рублей, что в четыре с лишним раза меньше официально установленного прожиточного минимума в стране.

Характерно, что Минобрнауки России в столь низких стипендиях не видит ничего предосуди-

¹ Малахов В. П. Указ.соч. С. 93.

² Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 317.

тельного. Как заявил его представитель 23 августа 2011 г. в Верховном Суде РФ при рассмотрении иска аспиранта-очника аспирантуры Института государства и права РАН А. Каплиева, аспирантская стипендия не является зарплатой, и потому студенты и аспиранты вполне в состоянии «добирать» необходимые им деньги трудом на благо общества. Как ни странно, Верховный Суд РФ с этим циничным мнением солидаризировался и в иске об отмене акта Правительства, устанавливающего столь мизерные стипендии, отказал.

Заявление представителя Минобрнауки о том, что аспирант вполне может материально обеспечить себя, работая где-либо, соответствует сложившейся в России практике. Не имеющие надлежащей материальной поддержки аспиранты-очники вынуждены работать, но тогда с творческим освоением специальности придется распрощаться, скорее всего, навсегда. Подготовка к научно-педагогической деятельности — это не пролонгированное безделье студента, а серьезная работа молодого специалиста по углубленному усвоению теории соответствующей отрасли правовой науки, овладению методологией и методикой научной работы и проведению монографического исследования. Лишь три года интенсивной учебы в аспирантуре позволяют молодому специалисту перейти в новое качество, стать начинающим молодым ученым. Сочетание же обучения в очной аспирантуре с работой по специальности означает, что аспирант-очник фактически обучается в режиме заочного обучения, и поэтому нередко ничего стоящего в правовой науке кроме обзора точек зрения составить не может.

Страны Западной Европы, заинтересованные в развитии способностей будущих ученых устанавливают аспирантам достаточно высокие стипендии — 1350 евро в Бельгии, 1000 евро во Франции и 900 евро в Германии.

В настоящее время успешно защитившиеся аспиранты-очники, обучавшиеся в режиме заочной формы обучения, составляют основной контингент претендентов на степень доктора юридических наук. Однако пробелы обучения в аспирантуре вряд ли им удастся в полной мере восполнить в процессе научной или педагогической деятельности. Их государственные оклады весьма низки, в настоящее время ненамного превышают минимальный размер оплаты труда, поэтому аспирант, ставший после защиты диссертации кандидатом наук, в деньгах, по-прежнему, не купается и вынужден работать как минимум на трех работах, чтобы свести концы с концами. Какая уж тут наука, какие исследования? Докторская диссертация, если она пи-

шется, то пишется урывками, в выходные дни попеременно с домашней работой и потому по преимуществу на самом элементарном, эмпирическом уровне. На теоретический уровень исследований не хватает ни времени, ни знаний, ни даже желания.

Можно ли рассчитывать, что при таком режиме научной деятельности российские ученые-юристы могут сохранить высокий потенциал правовой науки, достигнутый прошлыми поколениями. Вряд ли. Успешно творящие правовую науку дореволюционные ученые-юристы получали высокие оклады и имели сравнительно небольшую нагрузку — четыре часа аудиторных занятий в неделю. Соответственно, у них хватало времени и на подготовку к лекциям и на ведение научных исследований. Письмом Минобрнауки России от 26 июня 2003 г. N 14-55-784ин/15 вузам рекомендуется устанавливать учебную нагрузку в размере 900 часов в год или 22 с половиной часа в неделю. Соответственно, в этой же пропорции распределяются возможности осуществлять научную работу дореволюционного и современного профессоров.

Для того, чтобы российская правовая наука не утратила достигнутых рубежей в познании права и государства, их закономерностей и достойно продолжила лучшие прогрессивные традиции, сформированные в процессе всей ее многовековой истории, по нашему мнению, необходимо в первой половине XXI в. осуществить следующие меры.

Во-первых, создать российским правоведам надлежащие материальные и иные условия для успешного занятия научными исследованиями, а также обеспечить оперативную публикацию работ, выполняемых по планам государственных образовательных учреждений или государственных научных организаций за счет бюджетных средств. Оклад доцента и профессора не может устанавливаться ниже оклада руководящих работников аппарата Государственной Думы РФ, Правительства РФ или Президента РФ, как это было в советском государстве.

Во-вторых, преодолеть давно устаревший односторонний формально-догматический (логический) способ познания действующего законодательства в отрыве от изучения практики его реализации в конкретных правоотношениях. Социальные правовые исследования должны органически продолжать процесс эмпирического познания действующих норм права и обеспечивать получение достоверной информации о том, насколько эффективно эти нормы действуют и что нужно сделать, чтобы обеспечить их

беспрепятственное воплощение в реальной жизни. Применение современной вычислительной техники и компьютерных технологий делают подобную задачу реальной и вполне доступной для любого исследования отдельных норм и правовых институтов.

В-третьих, повысить эффективность использования в юридической науке и правоприменительной практике современной вычислительной техники и компьютерных технологий, способствующих поиску правовой и научной информации, доставке информации до потребителя, автоматизации юридической квалификации, логическому анализу полноты и достаточности фактов, необходимых для принятия обоснованных и правомерных решений по уголовным, гражданским и административным делам. Определенная часть дел, поддающихся формализации, вообще может рассматриваться без участия человека, хотя бы в первой инстанции. С применением названных технических средств и технологий могут успешно проводиться моделирование норм права и правовых институтов, составляться структура проектируемых нормативных правовых актов, осуществляться прогнозирование эффективности норм права, исследоваться корреляционные связи и зависимости норм права от экономических, социальных, культурных и иных факторов.

В-четвертых, разработать методологию научного познания права, определить критерии, которым должен отвечать продуктивный в научном познании метод, с тем чтобы покончить с практикой, когда научному сообществу предлагается пользоваться методом, явно не способным обеспечить решение тех высоких задач, которые с ним связывают его сторонники. В конечном итоге следует создать метод правовой науки как органически целостную систему, состоящую из взаимосвязанных по предмету исследования общих, специальных и частных методов. Этот метод

должен также наиболее полно и точно соответствовать принципам диалектического материализма как своей методологической философской основе и обеспечивать верное и углубленное познание предмета и объекта правовой науки.

В-пятых, выработать парадигму общей теории права, которая была бы способна отразить право как тотальное целое, во всем многообразии его закономерных связей и отношений, показать его действительную связь как с экономикой, так и с политикой, сознанием и другими компонентами общества и государства, которые оказывают на право решающее воздействие, определяют конкретно-исторические формы его бытия, а также исследовать способы воздействия права на окружающую среду. Одновременно общая теория права должна сформулировать критерии, позволяющие отличать действительные научные доктрины права от доктрин-пустоцветов, способных выражать лишь субъективные научные пристрастия ее автора.

Решение изложенных проблем невозможно без творческого использования российскими правоведами высокого научного потенциала правовой науки, накопленного предшествующими поколениями. Историческая преемственность объективного хода развития права и государства обуславливает такую же преемственность теоретических, эмпирических и методологических знаний правовой науки, отражающих эту связь.

Хочется надеяться, что в высокой миссии правовой науки как факела, освещающего путь юридической практике, наше издание, содержащее более четырех тысяч биографий наиболее талантливых российских правоведов, послужит действенным средством, обеспечивающим прочную связь современных знаний с вечными живыми теоретическими и методологическими положениями, выводами, полученными на прошлых этапах ее истории.

0 словаре

Помещенная на титульном листе данного тома дата «1.01.11» означает, что авторский коллектив стремился опубликовать биографии всех российских правоведов, которые защитили докторские диссертации ранее этой даты. Контроль полноты перечня российских правоведов, подлежащих помещению в III и IV тома данного издания, велся по двум источникам: 1) Энциклопедическому словарю «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.)» (М., 2004),

подготовленному под ред. проф. В. М. Сырых; 2) Бюллетеню ВАК РФ Министерства образования и науки РФ, содержащему сведения о докторских диссертациях, принятых диссертационными советами к защите и утвержденных ВАК. Вполне возможно, что имеются пробелы, но процент докторов юридических наук, биографии которых по каким-либо причинам не были включены в данный словарь, достаточно мал, не более 0,3–0,5 %.

В издании помещены также **поступившие** в адрес творческого коллектива биографии: 1) российских правоведов, которые успешно защитили докторские диссертации после этой даты; 2) кандидатов юридических наук, имеющих ученое звание профессора и опубликовавших несколько монографий; 3) правоведов, принявших активное участие в подготовке данного издания, имеющих степень кандидата юридических наук и публикации по правовой тематике.

Биографии российских ученых-юристов подготовлены по методике, использованной и положительно зарекомендовавшей себя в работе над предшествующими томами. В биографическом очерке о каждом авторе приводятся следующие данные:

1. Фамилия, имя, отчество, дата рождения (для усопших — дата смерти), наличие ученой степени доктора юридических наук и научных званий.

2. Место рождения.

3. Наименование учебного заведения и год его окончания, тема кандидатской и докторской диссертации, дата и место защиты диссертаций.

4. Краткие сведения о научно-педагогической деятельности.

5. Сфера научных интересов. Наименования наиболее значимых монографий (не более 10).

6. Краткое описание новизны, характеризующей творческое кредо соответствующего исследователя проблем права и государства.

С учетом ограниченного объема издания, к сожалению, не все значимые в жизни российских ученых-правоведов события и факты отражены в посвященных им биографических очерках. Так, в них отсутствуют данные: 1) об общественной и экспертной деятельности ученых; 2) об участии в диссертационных советах; 3) о количестве подготовленных диссертантов и докторантов; 4) о государственных наградах и иных фактах общественного и государственного признания вклада ученого в науку, в решение проблем правотворческой, правоприменительной и образовательной деятельности. Исключение сделано лишь для участников Великой Отечественной войны, сведения о боевых орденах и медалях, иных государственных наградах которых приводятся в их биографических очерках.

Из-за ограниченного объема издания не представилось возможности дать полных сведений о научно-педагогической и иной деятельности российских правоведов. В Словаре, как правило, содержится информация о наиболее

значимых должностях, занимавшим или занимающим героем соответствующего биографического очерка.

Бесспорно, общественная деятельность ученых-правоведов, их участие в подготовке и аттестации научно-педагогических кадров — важнейшее направление их профессиональной и общественной деятельности, оно оказывает заметное влияние на ход и решения, принимаемые компетентными органами государственной власти. Тем не менее подобная деятельность все же характеризует прикладной аспект научной биографии ученых, абстрагирование от которого в Словаре, посвященном истории развития правовой науки как особого социокультурного института, не влияет на полноту информации о непосредственной научной деятельности российских правоведов и об их вкладе в развитие правовой науки как системы знаний о закономерностях и процессах становления, функционирования права и государства.

Редакционная коллегия не нашла возможным признать заявки отдельных правоведов на образование научной школы на том основании, что ими подготовлено значительное число успешно защитившихся аспирантов и докторантов. Не умаляя заслуг докторов юридических наук в деле подготовки юридических научных и научно-педагогических кадров, все же мы вынуждены придерживаться прежней позиции, изложенной нами во Вступительной статье к Энциклопедическому словарю биографий «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века)»¹ (далее — Энциклопедический словарь). Научная школа имеет место лишь там, где существует не просто коллектив единомышленников, «а такой коллектив, который активно разрабатывает какую-либо оригинальную теорию в области правоведения. Так, Л. И. Петражицкий и его ученики — П. Сорокин, Ж. Гурвич, М. Рейснер, образуют особую школу, поскольку их научная деятельность сводилась к разработке оригинального учения основоположника этой школы — психологической теории права. Однако никто не говорил о наличии школы Г. Ф. Шершеневича, М. Н. Коркунова, Б. Н. Чичерина, поскольку эти яркие и талантливые ученые, внесшие весомый вклад в развитие российской правовой науки, собственной оригинальной теории права не имели»².

¹ Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / Под ред. проф. В. М. Сырых. М., 2006.

² Там же. С. 5.

Из современных российских правоведов реально на образование школы претендуют немногие, в частности, доктор юридических наук, профессор А. В. Малько, трудами которого создана теория правовой политики современного государства, которая ранее российскими правоведами исследовалась лишь в самом общем виде. Совокупность аспирантов и докторантов, успешно защитившихся под руководством А. В. Малько по проблемам правовой политики и последовательно развивавших его идеи, можно рассматривать, по нашему мнению, как самостоятельную научную школу.

Авторский коллектив при написании и редактировании биографий стремился по возможности избегать употребления таких оценочных понятий, как «впервые в юридической науке», «выдающийся вклад», «основополагающее значение», потому, что ставил перед собой более скромные и посильные задачи — информировать научную юридическую общественность об имеющихся в юридической литературе монографических или учебных изданиях и их содержании. Достоверные оценки новизны могут быть даны лишь сообществом компетентных специалистов в процессе применения результатов предшествующих исследований, проведенных другими учеными, и проверки способности этих результатов выступать в роли теоретического или методологического инструментария научного познания.

В процессе подготовки данного и последующего томов использовались три способа составления биографических очерков.

Примерно треть из них была получена в ходе социального правового исследования. Опрос докторов юридических наук ведущих юридических вузов и юридических факультетов университетов проводился с применением стандартной анкеты, состоящей из 16 вопросов. Вопросы анкеты были ориентированы на получение достоверной информации по всем пунктам, образующим структуру биографического очерка. Ответы предлагалось давать в произвольной форме таким образом, чтобы общий объем статьи не превышал 4000 знаков.

По итогам анкетирования в адрес редакционной коллегии Словаря поступило около 1000 очерков-автобиографий либо очерков-биографий, подготовленных коллегами героя очерка. Подобные очерки имеют особую историческую ценность как документы, составленные сами авторами и содержащими их оценки своей научной деятельности и вклада, внесенного в развитие правовой науки, либо знавшими их непосредственно коллегами. Хотя следует признать,

что не все респонденты дали развернутые ответы на вопросы анкеты, чаще всего ненадлежащим образом были изложены сведения об основных положениях, содержащихся в монографических работах ученого-героя очерка.

Следующая треть биографических очерков российских правоведов, творческая деятельность которых в сфере правовой науки была завершена до 1 августа 2004 г., представляет собой перепечатку статей из Энциклопедического словаря «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.)». Дополнения в этих статьях свелись к восполнению имевшихся пробелов и более полному описанию основных идей, выводов, изложенных в опубликованных трудах ученого. Наиболее сложным оказался вопрос о месте работы на момент составления биографического очерка. Вполне очевидно, что сведения 2004 г. о месте работы соответствующего ученого, приведенные в Энциклопедическом словаре, могли устареть, тогда как биографические очерки, имеющиеся в Интернете, точности не гарантировали. Поэтому в очерках могут содержаться устаревшие сведения о месте работы отдельных ученых по причинам, не зависящим от составителей биографий.

Примерно треть биографических очерков была подготовлена непосредственно составителями тома. Биографические данные героев очерков были взяты из Федерального правового портала «Юридическая Россия», Проекта «Хронос», сайта «Биография. РУ», а также монографических изданий, подготовленных юридическими образовательными учреждениями либо юридическими научными организациями, либо из архивных данных. Коль скоро данные, полученные из сети Интернет, с одной стороны являются неполными, равно как и не всегда достоверными, то составленные по таким материалам статьи-очерки могут содержать недостатки, присущие источникам, с учетом которых они подготовлены.

Сведения о монографических и диссертационных работах авторов, биографии которых были ранее опубликованы в Энциклопедическом словаре либо подготовлены составителями данного тома самостоятельно в процессе подготовки III и IV томов, даются в соответствии с данными электронного каталога Российской государственной библиотеки. К сожалению, названный каталог не гарантирует полноты информации о вышедших в стране публикациях и защищенных диссертациях по двум причинам: 1) издательства не надлежащим образом

выполняют свою обязанность по направлению обязательных экземпляров в государственные библиотеки и Книжную палату; 2) библиотека по собственному желанию или чьему-то распоряжению не включила в электронные каталоги сведения о большей части монографических и иных работ советских правоведов, а также о рефератах их диссертационных работ. При этом никаких оговорок о том, что юридическая литература советского периода в электронном каталоге представлена неполно, не имеется.

Таким образом, вполне возможны ситуации, когда какие-либо весьма значимые работы автора не будут указаны в биографическом очерке. В отдельных случаях каталог вообще не имеет сведений о монографических, равно как и о диссертационных работах современного ученого, доктора юридических наук. В этом случае, составители очерка вынуждены констатировать, что в каталогах Российской государственной библиотеки информация о работах ученого отсутствует. Констатируя подобный факт, составители биографий тем самым объясняют причины, почему в биографии не приведены сведения о теме диссертации либо данные о монографических работах ученого. Однако подобную запись нельзя понимать односторонне, лишь как свидетельство отсутствия у ученого соответствующих монографических или диссертационных работ.

Определенная часть статей-очерков не имеет сведений об их авторах по двум причинам: составители не сочли нужным закреплять свое авторство на подготовленные ими статьи-очерки; статья воспроизводится по Энциклопедическому

словарю биографий «Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века)» (М., 2004), в котором была опубликована анонимно.

В томе отсутствуют систематический указатель работ российских правоведов и юридических идеалов, биографии которых помещены в этом томе, а также классификатор по научным специальностям. Названные приложения будут опубликованы в IV томе после того, как будет завершена публикация биографий российских правоведов современного периода.

Значимый вклад в успешное завершение тома Словаря внесли доктор юридических наук В. Е. Рубаник, кандидаты наук В. Н. Власенко и С. А. Рубаник, С. А. Колунтаев, подготовившие ряд статей-очерков, а также внесшие существенные дополнения и необходимые уточнения в очерки из Энциклопедического словаря, подлежащие переопубликованию в третьем томе данного издания. Ими же была осуществлена редакционная правка очерков, включенных в данный том. Кроме того, В. Н. Власенко была определена структура тома и подготовлены справочные материалы к нему: проведена классификация ученых-правоведов и их монографических работ по отраслям правовой науки, составлен классификатор докторских диссертаций по дате их защиты и алфавитный указатель фамилий ученых-правоведов, включенных в данный том.

В. М. Сырых,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

АБАШИДЗЕ

Аслан Хусейнович

(18 ноября 1958) — доктор юридических наук, профессор.

Родился в с. Цхемна Кедского района Аджарской АССР, Грузия.

В 1985 г. окончил Университет дружбы народов

(факультет экономики и права).

В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Защита прав меньшинств в системе ООН». В 1997 г. — докторскую диссертацию на тему: «Защита прав меньшинств по международному праву».

С 1997 г. А. Х. Абашидзе — профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов, с 2001 г. — профессор Московского государственного института (университета) МИД России (по совместительству); Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), член Исполкома Российской ассоциации международного права, член Всемирной ассоциации международного права и Исполкома Внешнеполитической ассоциации.

С 30 мая 2011 г. — заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов.

Сфера научных интересов: международное публичное и европейское право.

Автор и соавтор более 280 работ.

Основные работы: «Основные документы ООН в области прав человека. В 3-х т.» (на англ., рус. и груз. яз.) (Батуми, 1996) (в соавт.); «Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву» (М., 1996); «Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ» (М., 1997) (в соавт.); «Аджария: история, дипломатия, международное право» (М., 1998); «Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX в.)» (М., 2001) (в соавт.); «Неправительственные организации: международно-правовые аспекты» Учебное пособие (М., 2002) (в соавт.); «Право внешних сношений» Учебное пособие (М., 2007); «Международное экологическое право: Учебное пособие» (М., 2008).

А. Х. Абашидзе исследовал проблемы международного гуманитарного права, включая защиту прав меньшинств и прав человека. В его работах раскрыт правовой статус меньшинств, подпадающих под международно-правовую защиту, определены основания и причины применения мер международно-правовой защиты меньшинств, доказываемая, что в федеративных государствах проблемы меньшинств должны являться предметом совместного ведения.

Защита прав меньшинств, по мнению ученого, предполагает обеспечение сохранения и развития их культурной самобытности. Меньшинства получают специальные права, дополнительные к универсальным правам человека; культурные традиции и институты меньшинств могут быть сохранены только на коллективной основе, которые сохраняются самими меньшинствами. Поэтому государства не должны отрицать права индивидов пользоваться ценностями меньшинств. Наоборот, они должны защищать существование этих меньшинств.

Международная защита меньшинств, по мнению А. Х. Абашидзе, имеет четыре уровня. Первый — защита индивидуальных прав меньшинств, прежде всего, обеспечение принципа равенства и недискриминации. Предполагается выработать международные стандарты в области индивидуальных прав человека. Второй — введение дополнительных мер, способствующих сохранению отличительных черт меньшинств, а также обеспечению их коллективных прав. Третий — защита меньшинств от практики насильственной ассимиляции, массовой депортации с мест их традиционного расселения и от акций, направленных на количественное изменение соотношения населения региона не в пользу меньшинств. Четвертый — защита меньшинств от физического уничтожения, т. е. геноцида. Каждый уровень, предполагает наличие эффективных средств международно-правовой защиты. Для защиты на любом уровне необходимы международно-правовые средства предупреждения ситуаций, требующих международного вмешательства в целях такой защиты.

В. Н. Власенко

Справочное издание

Коллектив авторов

Правовая наука и юридическая идеология России

Энциклопедический словарь биографий

Том 3

(1965 — 1 января 2011 г.)

Директор Издательства РГУП *О. В. Лужина*

Редакторы: *Е. В. Алферова, В. Н. Листовская*

Корректоры: *В. В. Паламарчук, Л. А. Запылаева*

Верстка, оформление: *Т. Б. Егорова, Д. В. Сафронова*

Подписано в печать 01.04.2015 г.

Формат 60 × 90 ¹/₈. Усл. печ. л. 132.

Тираж 300 экз. (1-й завод)